

УДК 329

Социально-политические «размежевания» как фактор консолидации партийной системы в России

Шапошникова Евгения Александровна

Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
и политических технологий,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Свободы, 46;
e-mail: Shaposhnikova-ea@yandex.ru

Аннотация

Теория социально-политических «размежеваний» С.М. Липсета и С. Роккана начиная с середины XX века занимает прочное место в теории мирового партогенеза. В России многие политологи признают социальную обусловленность партогенеза, называя общественные размежевания важнейшими факторами публичной политики. Однако среди авторов (даже тех, кто признает социальную обусловленность партогенеза) не существует единого мнения относительно критериев определения наиболее значимых социальных «размежеваний» в России. В статье раскрываются некоторые научные интерпретации теории «размежеваний», на основании которых автор делает вывод, что единого мнения о критериях определения наиболее значимых социальных «размежеваний» в России нет, а в детерминированности партийного строительства в государстве кроме социально-классовых «размежеваний» играет множество других социальных противоречий, все более актуализирующихся в настоящее время.

Для цитирования в научных исследованиях

Шапошникова Е.А. Социально-политические «размежевания» как фактор консолидации партийной системы в России // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 38-44.

Ключевые слова

Партогенез, размежевания, общество, партии, избиратели.

Введение

Теория социально-политических «размежеваний» принадлежит американскому социологу и политологу С.М. Липсету и норвежскому политологу-компаративисту С. Роккану, которые в своей работе «Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Введение» [Lipset, Rokkan, 1967] подвергли анализу политические системы двенадцати западных демократических государств и рассмотрели формирование предпочтений избирателей через процесс образования партий.

Основной смысл теории заключается в том, что сложившиеся партийные системы Западной Европы – это результат существующих в данных обществах социальных конфликтов, возникших вследствие четырех типов размежеваний: центр – периферия; государство – церковь; город – село; собственники – наемные работники [Липсет, Роккан, 2004, 51]. Социальные конфликты являются следствием происходивших в странах Западной Европы модернизационных процессов и сопутствующих им революций. Конфликты «центр – периферия» и «государство – церковь» – последствие национальных революций европейских государств, а конфликты «город – село» и «собственники – наемные работники» – следствием индустриальных революций. Получая институциональное закрепление в рамках партийно-политической системы государства, данные социальные размежевания стали основой для межпартийных размежеваний и ключевым фактором структурирования партийных систем Западной Европы [Калинин, www].

Большинство отечественных политологов считают, что в России общественные размежевания являются важнейшими факторами публичной политики. Однако даже среди авторов, кто признает социальную обусловленность партотрогенеза, не существует единого мнения о критериях определения наиболее значимых социальных «размежеваний» в России.

Теория «социальных размежеваний» в работах В.Л. Римского

Отдельный интерес представляют направления политической мысли, раскрывающие теорию «социальных размежеваний» Липсета-Роккана с новой стороны, представляющей актуальное значение для России. Так, отечественный исследователь В.Л. Римский считает, что в настоящее время лишь один тип размежеваний можно интерпретировать в российском контексте – это размежевание «город – село». Проявляется данный тип размежеваний в противоречии «между бюрократиями Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, бюрократий практически всех областных и республиканских центров с бюрократиями других городов и районов этих областей и республик» [Римский, 2004, 155-157].

«Размежеванием», которое ярко проявляется в России, исследователь называет тип – «бюрократия – общество». Данный вариант не отражается в структуре партийной системы

(«например, в виде правящей политической партии и оппозиции»), а реализуется в проекте, направленном на консолидацию российских чиновников («партии власти») и уменьшение влияния в публичной политике остальных партий.

Однако автор в качестве отечественной специфики «размежеваний» указывает на несоответствие «политической практики с общественными размежеваниями» и говорит, что в России «политические партии существуют сами по себе, а размежевания сами по себе» [Римский, 2004, 155].

Теорию В.Л. Римского, несмотря на инновационные выводы, полные политического смысла, и выделение именно российского типа размежеваний – «бюрократия – общество», можно назвать довольно спорной. Выдвигая в качестве главного «размежевания» противоречие между бюрократией и обществом, исследователь рассматривает бюрократию как неструктурированную социальную «касту», что, по мнению автора статьи, не соответствует нынешней действительности. Так, большое количество служащих низового и среднего уровня выполняют свои обязанности и не имеют отношения к изъятиям, которые вызывают социальное отторжение (коррупция, различные злоупотребления положением и др.). Но если говорить о социальном слое, который действительно обладает управленческим ресурсом, следует уточнить, что он составляет ядро государственного механизма, поэтому выводы, сделанные Л.В. Римским, приводят нас к умозаключению о разделении государства и общества.

Социально-классовый подход в освоении теории «размежеваний»

Следующее направление, обосновывающее политические предпочтения избирателей, стало следствием невозможности получения полного представления о механизме, детерминирующем партогенез. Данный подход, довольно неоднозначно воспринятый многими учеными, носит название «социально-классовый».

Основанием для сторонников социально-классового подхода является наличие в современном обществе «размежеваний», которые обусловлены новейшими вызовами современной действительности. Например, на смену идентичностям, связанным с социально-классовой стратификацией общества, пришли те, которые определены такими социальными явлениями, как противоречие между центром и периферией, угроза экологической катастрофы и др.

Однако, как уже было сказано ранее, многие авторы не признают существование «социально-классового подхода» и говорят, что возросший уровень интеллектуального развития социумов обуславливает рационализацию политических предпочтений граждан и их независимость от классовой принадлежности.

Т.Е. Хавенсон и Е.В. Миголь стали авторами инновационного сравнительного исследования политических предпочтений в контексте социально-классовой структуры обществ в

государствах развивающейся и зрелой демократии. Авторы предложили одиннадцать ступеней социальной структуры общества:

- 1) топ-менеджеров/высший класс управленцев;
- 2) менеджмент среднего звена/низший класс управленцев;
- 3) работников рутинного нефизического труда – высший слой;
- 4) работников рутинного нефизического труда – низший слой (работники сферы услуг и продаж);
- 5) самозанятые с подчиненными;
- 6) самозанятые без подчиненных;
- 7) мастера и бригадиры физического труда;
- 8) квалифицированные рабочие;
- 9) полу- / неквалифицированные рабочие (не в сельском хозяйстве);
- 10) полу- / неквалифицированные рабочие (в сельском хозяйстве);
- 11) самозанятые в сельском хозяйстве (фермеры) [Хавенсон, Миголь, 2011, 7].

В целях выявления политических предпочтений представителей каждой социальной страты ученые предприняли эмпирическое исследование. Вопросы, на которые должны были ответить респонденты, стали характеристикой их левых и правых взглядов. Например: «Вы за или против: государственного финансирования проектов по созданию новых рабочих мест; государственного регулирования экономики; контроля над уровнем зарплат и т.д.?» [там же, 8].

Выводы теории Хавенсона-Миголя и российская действительность

В рамках целей статьи интерес представляют сделанные исследователями выводы, которые относятся именно к России. Так, авторы говорят, что российское общество характеризуется уклоном в сторону левой идеологии: «Средний российский топ-менеджер является более левонастроенным, чем американский или немецкий рабочий, хотя внутри российского общества топ-менеджмент все же является группой, находящейся на правом полюсе, а рабочие представляют собой левоориентированный слой населения» [Хавенсон, Миголь, 2011, 27].

Наиболее левоориентированный слой населения состоит из групп: работники рутинного нефизического труда / работники сферы услуг и продаж; квалифицированные рабочие; полу-/ неквалифицированные рабочие (не в сельском хозяйстве), а также полу-/ неквалифицированные рабочие (в сельском хозяйстве).

Это является свидетельством закрепления за рабочими (как отдельным социальным классом) определенных политических ценностей.

К социальной группе с «правыми» взглядами относятся: высший класс управленцев; мастера и бригадиры физического труда и самозанятые в сельском хозяйстве (фермеры).

В центре находятся три страты: менеджмент среднего звена, работники рутинного нефизического труда (высший слой) и предприниматели с подчиненными.

В результате проведенного исследования авторы делают вывод, что в России «наблюдается самый большой разброс во мнениях внутри каждой страты ... что может быть индикатором того, что в России нет четкой связи между принадлежностью к тому или иному социальному классу и приверженностью к определенным политическим ценностям, в то время как в западноевропейских странах эта связь более очевидна» [там же, 18]. По мнению авторов, социальные структуры переходных социумов подвижны, с чем невозможно не согласиться, но в то же время вызывает множество вопросов вывод ученых, что неустойчивый характер социальных «размежеваний» препятствует политической консолидации общества.

Заключение

Таким образом, С.М. Липсет и С. Роккан в своей теории социально-политических «размежеваний» представляют сложившиеся партийные системы как результат существующих в обществах социальных конфликтов, возникших вследствие четырех типов размежеваний.

Большинство отечественных политологов считают, что в России общественные размежевания являются важнейшими факторами публичной политики. Но даже среди авторов, которые признают социальную обусловленность партогенеза, не существует единого мнения о критериях определения наиболее значимых социальных «размежеваний» в России.

В формировании и строительстве партийной системы России играют большую роль не только политико-правовые, но и социальные факторы. Они представляют собой «размежевания», которые определяются социетальными линиями, воздействующими на политическое объединение больших групп населения. Основными социальными группами, способными производить партийные организации, являются средний класс населения, представители нефизического труда сферы обслуживания и сельские фермеры.

Помимо социально-классовых «размежеваний» большое значение в обусловленности политической консолидации, и, следовательно, партийного строительства, играет множество других социальных противоречий. Например, в настоящее время вновь актуализировалось противоречие «город – село», что проявляется практически в полной автономности сельских жителей. А тенденция разделения по линии противоречия «центр – периферия», обосновываемая разницей материального состояния граждан, в настоящее время продолжает нарастать.

Однако необходимо заметить, что транзитный характер российского общества и, следовательно, социальная нестабильность, создают возможность перехода формирующихся политических предпочтений граждан в неформальную сферу. Это порождает опасность изъятия познавательной способности власти для своевременного реагирования на изменение баланса политических предпочтений избирателей.

Библиография

1. Калинин К. Партийно-политическая система и электоральное поведение в РФ через призму теории социальных размежеваний: 1993-2003. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/01/30/delimitation>
2. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. (отв. ред. и сост.) Партии и выборы. М., 2004. С. 49-80.
3. Римский В.Л. Общественные размежевания и политические партии в России // Политическая наука. 2004. № 4. С. 152-172.
4. Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В. Социально-профессиональный статус и политические ценности. Сравнительный анализ: Россия, Германия и США. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 32 с.
5. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction // Lipset S.M, Rokkan S. Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. New York, 1967. P. i-xvi.

Socio-political "disengagement" as a factor of party system consolidation in Russia

Evgeniya A. Shaposhnikova

PhD in Politology, Docent,
Associate professor at the Department of government and municipal management
and political technologies,
Ryazan State University named after S.A. Esenin,
390000, 46 Svobody st., Ryazan, Russian Federation;
Shaposhnikova-ea@yandex.ru

Abstract

The author studies socio-political "demarcation" as a factor of consolidation of the party system in Russia. The methodological basis of the research are general scientific and special methods, such as systematic and comparative research methods, as well as analysis and synthesis. The theory of socio-political "demarcations", theory about the presence of societal cleavages on various grounds, belongs to the American political scientist S. Lipset and Norwegian scientist S. Rokkan. This scientific concept now occupies a firm place in the

world theory of parties foundation. Many Russian political scientists call social disengagement the key factor of public policy. In Russia, many political analysts recognize the social conditioning of parties foundation. But there is no consensus among the authors about the basic criteria for determining the most significant social "demarcation". The subject of research is the socio-political "disengagement" in Russia, which can serve as the basis for the consolidation of the domestic party system at the moment. The article describes some of the interpretations of the theory of "demarcation". The author comes to the conclusion that there is no consensus on the criteria for identifying the most significant social «demarcations» in Russia. The results of the study can be used in further studies of social "demarcation" in the Russian political practice.

For citation

Shaposhnikova E.A. (2016) Sotsial'no-politicheskie "razmezhevaniya" kak faktor konsolidatsii partiinoi sistemy v Rossii [Socio-political "disengagement" as a factor of party system consolidation in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 4, pp. 38-44.

Keywords

Parties foundation, disengagement, society, party, voters.

References

1. Kalinin K. Partiino-politicheskaya sistema i elektoral'noe povedenie v RF cherez prizmu teorii sotsial'nykh razmezhevaniy: 1993-2003. [Parties and political system and electoral behavior in Russia through the prism of the theory of social cleavages: 1993-2003]. Available at: <http://www.polit.ru/article/2008/01/30/delimitation> [Accessed: 22/07/2016].
2. Khavenson T.E., Migol' E.V. (2011) *Sotsial'no-professional'nyi status i politicheskie tsennosti. Sravnitel'nyi analiz: Rossiya, Germaniya i SShA* [Social and professional status and political values. Comparative Analysis: Russia, Germany and the United States]. Moscow.
3. Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction. In: Lipset S.M, Rokkan S. *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives*. New York, pp. i-xvi.
4. Lipset S.M., Rokkan S. (2004) Struktury razmezhevaniy, partiinyye sistemy i predpochteniya izbirateley [Structures of demarcations, party systems and voter preferences]. In: Anokhina N.V., Meleshkina E.Yu. (eds) *Partii i vybory* [Parties and elections]. Moscow, pp. 49-80.
5. Rimskii V.L. (2004) Obshchestvennyye razmezhevaniya i politicheskie partii v Rossii [Social disengagement and political parties in Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 4, pp. 152-172.